

СЕРВИЗ ИЗ БАРАНОВКИ

От Житомира до Барановки — сплошные леса. И край называется Полесье. Нежная, задушевно-розовая. Вспоминаются строки: «И верба старая с березой грустной уж в золоте и пурпуре убралась». Леся Украинка! Здесь ее родина, здесь сочиняла она свою «Лесную песню».

Может, вот из такой точно бережки Лесука, достанет, надеждой соку. «Не смеи! То кровь ее!» — остановила парня Мавка. И алая калитка, и задирный терновник, и дуб суровый — его ствол втроем не охватить... Все, как в «Лесной песне». И говорившая Случи такая же — прозрачная до камушков на дне, как ее воспева Леся. А на берегах Случи — Барановка.

Создатели завода, видно, все учли, выбрав 180 лет назад место для него. Рядом светлые воды реки, белое, как снег, глины, лесные пуши вокруг — топлива на века хватит.

История предприятия можно проследить в музее, который возглавляет ветеран труда, бывший парторг завода Иван Афанасьевич Харченко. Да, здешняя земля партия была не только до, как Леся Украинка. Под стать ее звонкому таланту — художники фарфора.

На полях, под стеклом — бытует цвета. Эти дорогие сервисы барановцев украшали некогда столы дворян в помещичьих усадьбах. А рядом — вещи посмелее. Чашки, миллионы, не так элегантно, но зато добротно, по-домашнему. Для барановцев они особенно дороги — первые советские изделия. Завод, разрушенный войной, рабочие стали восстанавливать сами, не дожидаясь распоряжений.

Механик-самочулка Алексей Васильевич Бродский вместе с товарищами собрал старый локомотив. Осенним утром, заглушая петушиные пение, прозвучал заводской гудок. Первые комплекты посуды рабочие отправляли шахтерам Донбасса. Барановцы рассуждали так: пусть порадуется горняк и дадут стране больше угля. Ведь в России без топлива стояла заводная, мерзла люди в квартирах...

Первые гудки, отозвавшиеся эхом в окрестных дубравах, совпали с радостной востугой из Москвы: Владимир Ильич Ленин после долгой болезни возвратился в Кремль и уже вел заседания Совнаркома.

Об этом было решено известить коллектив. На собрании под радостные возгласы директор завода Стадников сообщил: «Ильич выздоровел!» Речи были короткими, от души. Мнение ораторов выразил в протоколе секретарь завода: «Ввиду совпадения времени рождения т. Ленина с октябрьскими торжествами в пуском заводе, изготовить дорожному заводу средствами рабочих именной сервис, который препроводить в Кремль. Просить Владимира Ильича разрешить именовать Барановский завод — Государственным фарфоровым заводом имени Ленина, 16 октября 1922 года».

«Ленинский зал музея. Документы, вырезки из газеты «Вольный рабочий» рассказывают о событиях октября 1922 года. На почетном месте — точная копия чайного сервиза, подаренного рабочими В. И. Ленину.

И до сих пор не угасла память о тех, кто проявил мастерство и спорность в те осенние дни, накануне пятнадцатого октября. Завод еще не набрал силы, а они записали выпустить не просто тарелки или чайники, а художественные изделия. Фарфоровые, глянцевые, живописные расписывали для этого дела свои «фамильные секреты». Старый мастер Алексей Кривонос подготавливал особый состав фарфорового теста. Обжигали изделия Михаил Хохлюк и Касаревич Нечальский уверенно вели процесс в только что восстановленных печах.

Прошло три недели. Как на праздник, собрались рабочие в живописный цех. На куске алой материи, изучая белую, сверкала гравировка: «Удальцы!» Не стыдно в Кремль вести такой подарок. Украсить сервиз поручили старшему мастеру Виктору Николаевичу Афанасьеву. От кого-то он слышал, что Ильич, гуляя по окрестностям Горького, любил собирать полевые гвоздики. Эти цветы стали основой орнамента верхней кромки посуды.

На стене — портрет механика Алексея Васильевича Бродского. Он восстанавливал завод, ему и вести подарок нужно — решили в заводе. «В Барановке с ветераном ждали возвращение своего посланца. А как приехал, сразу собрались отчитываться. Завод открылся клуб. Начались занятия в школе ФЗО, где старые мастера передавали навыки новичкам.

«Вот и вы, Владимир Ильич, — говорили, — производите последние годы. Вечером. Занятия лучше ласкают стены бокалов, чашек, ваз, выделывая их белизну. И снова вспоминались Леся Украинка: «То чародейка, вечная природа, тоистые ковры раскинула кругом». Художники как бы перенесли в зал заветные уголки берегов Случи, залитых лугом, полям, окруженных рябинами.

«Вот когда-то мода на абстракцию, рисочки, фигурки, пошлости. Ныне мир красок фарфора стал радостным, насыщенным, — поясняет главный художник завода И. П. Величко. — У природы берут наши художники поэтические мотивы...»

Сытые тридцать лет назад Иван Павлович подготовил сервиз «Яблоневый цвет». И сейчас он не устарел — звездный, как песня. Нет «моды» на природу — она всегда нам мила.

Гордость завода стал сервиз «Олеся», разработанный В. Г. Спичей. Нежными формами, белыми тонами изделия напоминают лаванды в мае. В сервизе свыше ста предметов, на все случаи жизни — и в гостей пригласить, и праздник отметить, и свадьбу справить. На розу с тугими лепестками похож сервиз «Бутон». Мягкие оттенки молодой художницы, выпускницы Миргородского института.

Лицо Ленина посуровело. Такой возможности, сказал он, Алексей Васильевич освоил и в рассказывал случаи. Пришла за получкой старой работницы. «Расписались», — говорит. А женщина в слезах. Касир подумала, что неверно написали, стала успокаивать. Оказалось, работница разволновалась потому, что впервые в жизни свою фамилию в документе поставила, — ликбез помог. Равные крестиками расписывались.

Алексей Васильевич вспоминал, что у него в кармане была записка — руководелити треста «Барффарфяна-стекло» вручили перед отъездом: нужна, мол, от правительства финансовая поддержка. Механик передал просьбу Ильичу.

Лицо Ленина посуровело. Такой возможности, сказал он, Алексей Васильевич освоил и в рассказывал случаи. Пришла за получкой старой работницы. «Расписались», — говорит. А женщина в слезах. Касир подумала, что неверно написали, стала успокаивать. Оказалось, работница разволновалась потому, что впервые в жизни свою фамилию в документе поставила, — ликбез помог. Равные крестиками расписывались.

Алексей Васильевич вспоминал, что у него в кармане была записка — руководелити треста «Барффарфяна-стекло» вручили перед отъездом: нужна, мол, от правительства финансовая поддержка. Механик передал просьбу Ильичу.

Лицо Ленина посуровело. Такой возможности, сказал он, Алексей Васильевич освоил и в рассказывал случаи. Пришла за получкой старой работницы. «Расписались», — говорит. А женщина в слезах. Касир подумала, что неверно написали, стала успокаивать. Оказалось, работница разволновалась потому, что впервые в жизни свою фамилию в документе поставила, — ликбез помог. Равные крестиками расписывались.

Алексей Васильевич вспоминал, что у него в кармане была записка — руководелити треста «Барффарфяна-стекло» вручили перед отъездом: нужна, мол, от правительства финансовая поддержка. Механик передал просьбу Ильичу.

Лицо Ленина посуровело. Такой возможности, сказал он, Алексей Васильевич освоил и в рассказывал случаи. Пришла за получкой старой работницы. «Расписались», — говорит. А женщина в слезах. Касир подумала, что неверно написали, стала успокаивать. Оказалось, работница разволновалась потому, что впервые в жизни свою фамилию в документе поставила, — ликбез помог. Равные крестиками расписывались.

Алексей Васильевич вспоминал, что у него в кармане была записка — руководелити треста «Барффарфяна-стекло» вручили перед отъездом: нужна, мол, от правительства финансовая поддержка. Механик передал просьбу Ильичу.

Лицо Ленина посуровело. Такой возможности, сказал он, Алексей Васильевич освоил и в рассказывал случаи. Пришла за получкой старой работницы. «Расписались», — говорит. А женщина в слезах. Касир подумала, что неверно написали, стала успокаивать. Оказалось, работница разволновалась потому, что впервые в жизни свою фамилию в документе поставила, — ликбез помог. Равные крестиками расписывались.

ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ГОДЫ

степ — точная копия чайного сервиза, подаренного рабочими В. И. Ленину.

И до сих пор не угасла память о тех, кто проявил мастерство и спорность в те осенние дни, накануне пятнадцатого октября. Завод еще не набрал силы, а они записали выпустить не просто тарелки или чайники, а художественные изделия. Фарфоровые, глянцевые, живописные расписывали для этого дела свои «фамильные секреты».

Старый мастер Алексей Кривонос подготавливал особый состав фарфорового теста. Обжигали изделия Михаил Хохлюк и Касаревич Нечальский уверенно вели процесс в только что восстановленных печах.

Прошло три недели. Как на праздник, собрались рабочие в живописный цех. На куске алой материи, изучая белую, сверкала гравировка: «Удальцы!» Не стыдно в Кремль вести такой подарок.

Украсить сервиз поручили старшему мастеру Виктору Николаевичу Афанасьеву. От кого-то он слышал, что Ильич, гуляя по окрестностям Горького, любил собирать полевые гвоздики. Эти цветы стали основой орнамента верхней кромки посуды.

На стене — портрет механика Алексея Васильевича Бродского. Он восстанавливал завод, ему и вести подарок нужно — решили в заводе. «В Барановке с ветераном ждали возвращение своего посланца. А как приехал, сразу собрались отчитываться. Завод открылся клуб. Начались занятия в школе ФЗО, где старые мастера передавали навыки новичкам.

«Вот и вы, Владимир Ильич, — говорили, — производите последние годы. Вечером. Занятия лучше ласкают стены бокалов, чашек, ваз, выделывая их белизну. И снова вспоминались Леся Украинка: «То чародейка, вечная природа, тоистые ковры раскинула кругом». Художники как бы перенесли в зал заветные уголки берегов Случи, залитых лугом, полям, окруженных рябинами.

«Вот когда-то мода на абстракцию, рисочки, фигурки, пошлости. Ныне мир красок фарфора стал радостным, насыщенным, — поясняет главный художник завода И. П. Величко. — У природы берут наши художники поэтические мотивы...»

Сытые тридцать лет назад Иван Павлович подготовил сервиз «Яблоневый цвет». И сейчас он не устарел — звездный, как песня. Нет «моды» на природу — она всегда нам мила.

Гордость завода стал сервиз «Олеся», разработанный В. Г. Спичей. Нежными формами, белыми тонами изделия напоминают лаванды в мае. В сервизе свыше ста предметов, на все случаи жизни — и в гостей пригласить, и праздник отметить, и свадьбу справить. На розу с тугими лепестками похож сервиз «Бутон». Мягкие оттенки молодой художницы, выпускницы Миргородского института.

Лицо Ленина посуровело. Такой возможности, сказал он, Алексей Васильевич освоил и в рассказывал случаи. Пришла за получкой старой работницы. «Расписались», — говорит. А женщина в слезах. Касир подумала, что неверно написали, стала успокаивать. Оказалось, работница разволновалась потому, что впервые в жизни свою фамилию в документе поставила, — ликбез помог. Равные крестиками расписывались.

Алексей Васильевич вспоминал, что у него в кармане была записка — руководелити треста «Барффарфяна-стекло» вручили перед отъездом: нужна, мол, от правительства финансовая поддержка. Механик передал просьбу Ильичу.

Лицо Ленина посуровело. Такой возможности, сказал он, Алексей Васильевич освоил и в рассказывал случаи. Пришла за получкой старой работницы. «Расписались», — говорит. А женщина в слезах. Касир подумала, что неверно написали, стала успокаивать. Оказалось, работница разволновалась потому, что впервые в жизни свою фамилию в документе поставила, — ликбез помог. Равные крестиками расписывались.

Алексей Васильевич вспоминал, что у него в кармане была записка — руководелити треста «Барффарфяна-стекло» вручили перед отъездом: нужна, мол, от правительства финансовая поддержка. Механик передал просьбу Ильичу.

Лицо Ленина посуровело. Такой возможности, сказал он, Алексей Васильевич освоил и в рассказывал случаи. Пришла за получкой старой работницы. «Расписались», — говорит. А женщина в слезах. Касир подумала, что неверно написали, стала успокаивать. Оказалось, работница разволновалась потому, что впервые в жизни свою фамилию в документе поставила, — ликбез помог. Равные крестиками расписывались.

Алексей Васильевич вспоминал, что у него в кармане была записка — руководелити треста «Барффарфяна-стекло» вручили перед отъездом: нужна, мол, от правительства финансовая поддержка. Механик передал просьбу Ильичу.

Лицо Ленина посуровело. Такой возможности, сказал он, Алексей Васильевич освоил и в рассказывал случаи. Пришла за получкой старой работницы. «Расписались», — говорит. А женщина в слезах. Касир подумала, что неверно написали, стала успокаивать. Оказалось, работница разволновалась потому, что впервые в жизни свою фамилию в документе поставила, — ликбез помог. Равные крестиками расписывались.

Алексей Васильевич вспоминал, что у него в кармане была записка — руководелити треста «Барффарфяна-стекло» вручили перед отъездом: нужна, мол, от правительства финансовая поддержка. Механик передал просьбу Ильичу.

Лицо Ленина посуровело. Такой возможности, сказал он, Алексей Васильевич освоил и в рассказывал случаи. Пришла за получкой старой работницы. «Расписались», — говорит. А женщина в слезах. Касир подумала, что неверно написали, стала успокаивать. Оказалось, работница разволновалась потому, что впервые в жизни свою фамилию в документе поставила, — ликбез помог. Равные крестиками расписывались.

Алексей Васильевич вспоминал, что у него в кармане была записка — руководелити треста «Барффарфяна-стекло» вручили перед отъездом: нужна, мол, от правительства финансовая поддержка. Механик передал просьбу Ильичу.

Лицо Ленина посуровело. Такой возможности, сказал он, Алексей Васильевич освоил и в рассказывал случаи. Пришла за получкой старой работницы. «Расписались», — говорит. А женщина в слезах. Касир подумала, что неверно написали, стала успокаивать. Оказалось, работница разволновалась потому, что впервые в жизни свою фамилию в документе поставила, — ликбез помог. Равные крестиками расписывались.

Алексей Васильевич вспоминал, что у него в кармане была записка — руководелити треста «Барффарфяна-стекло» вручили перед отъездом: нужна, мол, от правительства финансовая поддержка. Механик передал просьбу Ильичу.

Лицо Ленина посуровело. Такой возможности, сказал он, Алексей Васильевич освоил и в рассказывал случаи. Пришла за получкой старой работницы. «Расписались», — говорит. А женщина в слезах. Касир подумала, что неверно написали, стала успокаивать. Оказалось, работница разволновалась потому, что впервые в жизни свою фамилию в документе поставила, — ликбез помог. Равные крестиками расписывались.

Алексей Васильевич вспоминал, что у него в кармане была записка — руководелити треста «Барффарфяна-стекло» вручили перед отъездом: нужна, мол, от правительства финансовая поддержка. Механик передал просьбу Ильичу.

Лицо Ленина посуровело. Такой возможности, сказал он, Алексей Васильевич освоил и в рассказывал случаи. Пришла за получкой старой работницы. «Расписались», — говорит. А женщина в слезах. Касир подумала, что неверно написали, стала успокаивать. Оказалось, работница разволновалась потому, что впервые в жизни свою фамилию в документе поставила, — ликбез помог. Равные крестиками расписывались.

Алексей Васильевич вспоминал, что у него в кармане была записка — руководелити треста «Барффарфяна-стекло» вручили перед отъездом: нужна, мол, от правительства финансовая поддержка. Механик передал просьбу Ильичу.

Лицо Ленина посуровело. Такой возможности, сказал он, Алексей Васильевич освоил и в рассказывал случаи. Пришла за получкой старой работницы. «Расписались», — говорит. А женщина в слезах. Касир подумала, что неверно написали, стала успокаивать. Оказалось, работница разволновалась потому, что впервые в жизни свою фамилию в документе поставила, — ликбез помог. Равные крестиками расписывались.

у правительства нет. Нужна жестокая экономия во всем. И заметил, что если правление треста работоспособное, оно сумеет найти средства, не обращаясь к государственному карману...

Время идет, а подарок-то не передат — спохватился Алексей Васильевич. Он быстро расставил сервиз на стол. Владимир Ильич посмотрел с изумлением: сами, говорите, не ухитрятся средства, а трести деньги на именной сервиз?

— Это же от чистого сердца, сами рабочие, — разволновался механик. Поднял чашку, показал на просвет, какой нежной белизны фарфор. Это же, мол, для Вашего здоровья, чай вкуснее в таких чашках, глоток — и нет усталости...

Ленина смущали, внимание рабочих его растрогало. Но делать сервиз, сказал он, не следовало. Лучше бы эти деньги пошли в школу, на клуб. Придется написать товарищам из партийной ячейки...

— Ну, а что еще посоветовал Ильич? — не унимались слушатели.

— Говорил, что электро-энергию надо быстрее пускать, клуб хороший строить, молодежь обучать...

Всем миром взялись за дело. И уже 17 ноября 1923 года «Вольный рабочий» сообщил: «На заводе торжественное заседание по поводу пуска динамомашин. Наконец, осветили наш завод, залив сотнями огней, гордо над заводом горит красный флаг. Летом открылся клуб. Начались занятия в школе ФЗО, где старые мастера передавали навыки новичкам.

«Вот и вы, Владимир Ильич, — говорили, — производите последние годы. Вечером. Занятия лучше ласкают стены бокалов, чашек, ваз, выделывая их белизну. И снова вспоминались Леся Украинка: «То чародейка, вечная природа, тоистые ковры раскинула кругом». Художники как бы перенесли в зал заветные уголки берегов Случи, залитых лугом, полям, окруженных рябинами.

«Вот когда-то мода на абстракцию, рисочки, фигурки, пошлости. Ныне мир красок фарфора стал радостным, насыщенным, — поясняет главный художник завода И. П. Величко. — У природы берут наши художники поэтические мотивы...»

Сытые тридцать лет назад Иван Павлович подготовил сервиз «Яблоневый цвет». И сейчас он не устарел — звездный, как песня. Нет «моды» на природу — она всегда нам мила.

Гордость завода стал сервиз «Олеся», разработанный В. Г. Спичей. Нежными формами, белыми тонами изделия напоминают лаванды в мае. В сервизе свыше ста предметов, на все случаи жизни — и в гостей пригласить, и праздник отметить, и свадьбу справить. На розу с тугими лепестками похож сервиз «Бутон». Мягкие оттенки молодой художницы, выпускницы Миргородского института.

Лицо Ленина посуровело. Такой возможности, сказал он, Алексей Васильевич освоил и в рассказывал случаи. Пришла за получкой старой работницы. «Расписались», — говорит. А женщина в слезах. Касир подумала, что неверно написали, стала успокаивать. Оказалось, работница разволновалась потому, что впервые в жизни свою фамилию в документе поставила, — ликбез помог. Равные крестиками расписывались.

Алексей Васильевич вспоминал, что у него в кармане была записка — руководелити треста «Барффарфяна-стекло» вручили перед отъездом: нужна, мол, от правительства финансовая поддержка. Механик передал просьбу Ильичу.

Лицо Ленина посуровело. Такой возможности, сказал он, Алексей Васильевич освоил и в рассказывал случаи. Пришла за получкой старой работницы. «Расписались», — говорит. А женщина в слезах. Касир подумала, что неверно написали, стала успокаивать. Оказалось, работница разволновалась потому, что впервые в жизни свою фамилию в документе поставила, — ликбез помог. Равные крестиками расписывались.

Алексей Васильевич вспоминал, что у него в кармане была записка — руководелити треста «Барффарфяна-стекло» вручили перед отъездом: нужна, мол, от правительства финансовая поддержка. Механик передал просьбу Ильичу.

Лицо Ленина посуровело. Такой возможности, сказал он, Алексей Васильевич освоил и в рассказывал случаи. Пришла за получкой старой работницы. «Расписались», — говорит. А женщина в слезах. Касир подумала, что неверно написали, стала успокаивать. Оказалось, работница разволновалась потому, что впервые в жизни свою фамилию в документе поставила, — ликбез помог. Равные крестиками расписывались.

Алексей Васильевич вспоминал, что у него в кармане была записка — руководелити треста «Барффарфяна-стекло» вручили перед отъездом: нужна, мол, от правительства финансовая поддержка. Механик передал просьбу Ильичу.

Лицо Ленина посуровело. Такой возможности, сказал он, Алексей Васильевич освоил и в рассказывал случаи. Пришла за получкой старой работницы. «Расписались», — говорит. А женщина в слезах. Касир подумала, что неверно написали, стала успокаивать. Оказалось, работница разволновалась потому, что впервые в жизни свою фамилию в документе поставила, — ликбез помог. Равные крестиками расписывались.

Алексей Васильевич вспоминал, что у него в кармане была записка — руководелити треста «Барффарфяна-стекло» вручили перед отъездом: нужна, мол, от правительства финансовая поддержка. Механик передал просьбу Ильичу.

Лицо Ленина посуровело. Такой возможности, сказал он, Алексей Васильевич освоил и в рассказывал случаи. Пришла за получкой старой работницы. «Расписались», — говорит. А женщина в слезах. Касир подумала, что неверно написали, стала успокаивать. Оказалось, работница разволновалась потому, что впервые в жизни свою фамилию в документе поставила, — ликбез помог. Равные крестиками расписывались.

Алексей Васильевич вспоминал, что у него в кармане была записка — руководелити треста «Барффарфяна-стекло» вручили перед отъездом: нужна, мол, от правительства финансовая поддержка. Механик передал просьбу Ильичу.

Лицо Ленина посуровело. Такой возможности, сказал он, Алексей Васильевич освоил и в рассказывал случаи. Пришла за получкой старой работницы. «Расписались», — говорит. А женщина в слезах. Касир подумала, что неверно написали, стала успокаивать. Оказалось, работница разволновалась потому, что впервые в жизни свою фамилию в документе поставила, — ликбез помог. Равные крестиками расписывались.

Алексей Васильевич вспоминал, что у него в кармане была записка — руководелити треста «Барффарфяна-стекло» вручили перед отъездом: нужна, мол, от правительства финансовая поддержка. Механик передал просьбу Ильичу.

Лицо Ленина посуровело. Такой возможности, сказал он, Алексей Васильевич освоил и в рассказывал случаи. Пришла за получкой старой работницы. «Расписались», — говорит. А женщина в слезах. Касир подумала, что неверно написали, стала успокаивать. Оказалось, работница разволновалась потому, что впервые в жизни свою фамилию в документе поставила, — ликбез помог. Равные крестиками расписывались.

Алексей Васильевич вспоминал, что у него в кармане была записка — руководелити треста «Барффарфяна-стекло» вручили перед отъездом: нужна, мол, от правительства финансовая поддержка. Механик передал просьбу Ильичу.

Лицо Ленина посуровело. Такой возможности, сказал он, Алексей Васильевич освоил и в рассказывал случаи. Пришла за получкой старой работницы. «Расписались», — говорит. А женщина в слезах. Касир подумала, что неверно написали, стала успокаивать. Оказалось, работница разволновалась потому, что впервые в жизни свою фамилию в документе поставила, — ликбез помог. Равные крестиками расписывались.

Алексей Васильевич вспоминал, что у него в кармане была записка — руководелити треста «Барффарфяна-стекло» вручили перед отъездом: нужна, мол, от правительства финансовая поддержка. Механик передал просьбу Ильичу.

скою керамическую технику. Марий Микхо. Сколько нежности вложено в композицию «Удальцы». Говорят, что ее новые работы художественный совет утверждает под аплодисменты.

Смелостью, оригинальностью привлекают мотивы, исполненные супругами Лидией и Андреем Дибровыми, Николаем Назаренко, Василием Костенко и многими другими. Что ни рисунок или форма — вызов приключенческому, — вызов.

Совсем нам работать «на среднем уровне», — говорит директор завода Василий Алексеевич Хоменко. — Ведь наши лучшие традиции связаны с именем Ленина...

Директор ведет нас в корпус механизированных линий. Сами проектировали, сами строили. Не будем вдаваться в технические подробности. Главное — итог резко сократился цикл производства фарфора.

Ленинский сервиз, — замечает В. А. Хоменко, — изготавливается три недели. Раньше было три месяца. Потом сократился до 11 — 12 суток. Теперь механизированные линии со скоростью пенью обжигали готовые изделия через семь-восемь часов. Режим обжига вместо 73 — 75 часов сократился до четырех с половиной — пяти часов.

На той же площади стали выпускать в год больше на 14 миллионов изделий. Саконовский завод Сейчас с маркой Барановки в магазинах ежегодно поступает 38 миллионов тарелок, чашек, ваз, чайников и другой посуды высокого качества.

Директор называет передовых рабочих. Часто повторяется фамилия Кривонос. Не родственники ли?

— Их у нас целая семья, — подтверждает догадку Василий Алексеевич.

Начало династии положил Франц Кривонос еще до революции. Он обучил секретарю профессии сына Алексея, того, кто так удачно пригласил фарфоровую массу для сервиза Ильичу. Его брат Моисей, лучший горновик, погиб на фронте. Евдоким — жена Алексея — глазувщица. У них два сына и три дочери. Федор — обжигальщик, Владимир — фарфоровик, Вера — живописец. Анна недавно ушла на пенсию. Жена Федора — Людмила и жена Владимира — Клементина — фарфоровики. Кривоносы были в числе активных зачинщиков перестройки завода на новую скоростную технологию.

«Надо изжить, надо как можно скорее кончить с этим проклятым лозунгом: каждый — за себя, один бог за всех». Так говорил В. И. Ленин на Всероссийском съезде рабочих стекольно-фарфорового производства 29 апреля 1920 года. Ленинские слова стали сутью жизни барановцев. Не себе думают они, когда выпускают прекрасные изделия.

«Нет у нас важней заботы, чем принести радость в каждый дом советского человека», — говорит Марий Микхо. В. МОЛЧАНОВ. (Спец. корр. «Правды»).

Барановка, Житомирская область.

роу конструкции старший инженер лаборатории И. Ермакин и эксперт-испытатель М. Подольский.

▲ ХОРОШИЕ кони в Вельской государственной заводской конюшне (Архангельская область). Более ста пятидесяти рысаков орловской и русской породы на пеленках конюшен. В Вельске отличные конники. Их тройка — неоднократный победитель состязаний на ВДНХ СССР. На снимке: вельская тройка.

▲ ХОРОШИЕ кони в Вельской государственной заводской конюшне (Архангельская область). Более ста пятидесяти рысаков орловской и русской породы на пеленках конюшен. В Вельске отличные конники. Их тройка — неоднократный победитель состязаний на ВДНХ СССР. На снимке: вельская тройка.

▲ ХОРОШИЕ кони в Вельской государственной заводской конюшне (Архангельская область). Более ста пятидесяти рысаков орловской и русской породы на пеленках конюшен. В Вельске отличные конники. Их тройка — неоднократный победитель состязаний на ВДНХ СССР. На снимке: вельская тройка.

▲ ХОРОШИЕ кони в Вельской государственной заводской конюшне (Архангельская область). Более ста пятидесяти рысаков орловской и русской породы на пеленках конюшен. В Вельске отличные конники. Их тройка — неоднократный победитель состязаний на ВДНХ СССР. На снимке: вельская тройка.

▲ ХОРОШИЕ кони в Вельской государственной заводской конюшне (Архангельская область). Более ста пятидесяти рысаков орловской и русской породы на пеленках конюшен. В Вельске отличные конники. Их тройка — неоднократный победитель состязаний на ВДНХ СССР. На снимке: вельская тройка.

▲ ХОРОШИЕ кони в Вельской государственной заводской конюшне (Архангельская область). Более ста пятидесяти рысаков орловской и русской породы на пеленках конюшен. В Вельске отличные конники. Их тройка — неоднократный победитель состязаний на ВДНХ СССР. На снимке: вельская тройка.

▲ ХОРОШИЕ кони в Вельской государственной заводской конюшне (Архангельская область). Более ста пятидесяти рысаков орловской и русской породы на пеленках конюшен. В Вельске отличные конники. Их тройка — неоднократный победитель состязаний на ВДНХ СССР. На снимке: вельская тройка.

▲ ХОРОШИЕ кони в Вельской государственной заводской конюшне (Архангельская область). Более ста пятидесяти рысаков орловской и русской породы на пеленках конюшен. В Вельске отличные конники. Их тройка — неоднократный победитель состязаний на ВДНХ СССР. На снимке: вельская тройка.

▲ ХОРОШИЕ кони в Вельской государственной заводской конюшне (Архангельская область). Более ста пятидесяти рысаков орловской и русской породы на пеленках конюшен. В Вельске отличные конники. Их тройка — неоднократный победитель состязаний на ВДНХ СССР. На снимке: вельская тройка.

▲ ХОРОШИЕ кони в Вельской государственной заводской конюшне (Архангельская область). Более ста пятидесяти рысаков орловской и русской породы на пеленках конюшен. В Вельске отличные конники. Их тройка —